

УДК 37.09:27-725:37(476)«18/19»

В. М. Острога

Белорусский государственный технологический университет

**СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ СТАТУС УЧИТЕЛЕЙ ДУХОВНЫХ СЕМИНАРИЙ
И УЧИЛИЩ БЕЛАРУСИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.**

В статье рассматривается правовое и социальное положение учителей духовных семинарий и училищ Беларуси во второй половине XIX – начале XX в. Подчеркивается, что существовавшая нормативно-правовая база четко регламентировала процедуру приема на работу, круг обязанностей педагога, а также указывала на имеющиеся права. Показывается роль учителя в организации учебно-воспитательного процесса. Характеризуется материальное положение учителей и показываются пути его улучшения, а также раскрываются условия труда и быта. Сравнивается социально-правовой статус учителей духовных учебных заведений и светских.

Ключевые слова: учителя, духовные семинарии, духовные и епархиальные училища, социально-правовой статус, учебный процесс, материальное положение.

V. M. Ostroga

Belarusian State Technological University

**SOCIO-LEGAL STATUS OF TEACHERS OF THEOLOGICAL SEMINARIES
AND COLLEGES OF BELARUS IN THE SECOND HALF
OF XIX – EARLY XX CENTURY**

This article examines the legal and social situation of teachers of theological seminaries and colleges of Belarus in the second half of XIX – early XX centuries. It is emphasized that the existing regulatory framework clearly regulates the procedure of employment, the responsibilities of the teacher, and also points to existing law. The role of the teacher in the organization of the educational process is shown. The material situation of teachers is characterized and the ways of its improvement are shown, as well as working and living conditions are shown. Compares the socio-legal status of teachers of religious schools and secular.

Key words: teachers, seminaries, and diocesan spiritual school, socio-legal status, educational process, financial situation.

Введение. В конце XIX – начале XX в. в Российской империи, в состав которой входила и Беларусь, сложилась определенная система церковно-школьного образования, которая наряду с государственной и частной играла значительную роль в развитии народного просвещения. Общественно-политические и экономические отношения в период становления буржуазного общества требовали подготовки квалифицированных рабочих, повышения грамотности крестьянства. Расширялась сеть начальных и средних учебных заведений, стремительно росло количество учащихся. Вместе с тем в руках царского правительства образование являлось средством социального регулирования и контроля, поэтому данная политика была двойственной и непоследовательной. С одной стороны, образование служило власти, помогая развиваться капиталистическим отношениям в стране, но с другой, создавало явную угрозу существующему порядку – способствовало росту самосознания общества, изменению его социальной стратификации, просвещению народа и т. д. [1, с. 12]. В этой связи со всей остротой вставала проблема обеспечения учеб-

ных заведений необходимыми педагогическими кадрами, а также определения их социально-правового статуса.

Основная часть. Духовные семинарии, как средние учебно-воспитательные учреждения, действовали в основном с целью подготовки священников и церковнослужителей. Возглавлял семинарию ректор, который подчинялся Учебному комитету при Св. Синоде. С 1867 г. в семинариях занимались учащиеся 6 классов и получали как богословское, так и светское образование. Духовные и епархиальные училища относились к низшим духовно-учебным заведениям, программа которых включала как богословские, так и светские (в объеме трех классов классической гимназии) предметы. Управление было сосредоточено в руках смотрителей, с 1867 г. создавались училищные правления. Устав 1884 г. усилил власть епархиального архиерея, который осуществлял и кадровую политику.

Преподаватели семинарии определялись на должности в начале учебного года Св. Синодом, по представлениям академических советов, а в течение учебного года Обер-Прокурором

Св. Синода. По докладам учебного Комитета, это были лица с высшим образованием (как правило, это выпускники духовных академий – кандидаты богословия), а учителя физико-математических наук должны были иметь установленное свидетельство на право преподавания в гимназии по своим предметам. В училищах могли преподавать и имеющие среднее образование, а также студенты академии или семинарии. Для педагогов средних учебных заведений при назначении на службу обязательным было приведение к присяге. Она ко многому обязывала учителя, вступающего в должность. В начале «Клятвенного обещания» говорилось: «Я, нижепоименованный, обещаюсь и клянусь Всемогущим Богом, перед святым его Евангелием... верно и нелицемерно служить, и во всем повиноваться, не щадя живота своего до последней капли крови...». Присяга давалась в присутствии директора (ректора) учебного заведения и священника по написанному лично тексту, завершалась целованием «слов и Креста Спасителя» [2, л. 2].

В духовных учебных заведениях так же, как и в светских, господствовал дух формализма и мелочной регламентации. Согласно Правилу 1884 г., «Каждый наставник должен преподавать свой предмет по утвержденной Св. Синодом программе, заботясь как о своевременном выполнении ее, так и о том, чтобы все преподаваемое по программе было усвоено учащимися». Особый указ Св. Синода подтверждал, чтобы учителя «следовали строго нормальным программам и методам, указанным в объяснительных к программам записках».

Нужно отметить, что в решении педагогических вопросов в семинариях и училищах принимали участие лишь немногие из учителей. Такое положение существовало только в духовных школах, так как во всех других учебных заведениях каждый преподаватель имел право голоса на педагогических собраниях того заведения, в котором служил. Только при обсуждении более важных вопросов по учебно-воспитательной части на заседания Правления приглашались все училищные наставники с совещательным голосом. Это могло быть обсуждение четвертных, годовых и экзаменационных отметок, расписания занятий, тем сочинений и др. Так, в архиве сохранились «Журналы заседаний педагогического совета Могилевской духовной семинарии» за 1912 г., которые дают сведения о том, что педагогические собрания Правления проводились не менее двух раз в месяц под председательством ректора семинарии протоиерея Н. Зефирова, присутствовали также инспектор Ф. Преображенский, помощник инспектора П. Подольский и периодически

преподаватель П. Жадин. Заседания обычно проводились с семи до девяти часов вечером, на которых обсуждались вопросы учебно-воспитательной и хозяйственной деятельности, проведения экзаменов на звание учителя церковно-приходской школы и др. [3].

Материальное обеспечение учителей духовных семинарий и училищ, по мнению самих преподавателей, нельзя было признать достаточным. Каждый штатный учитель семинарии или училища, имевший диплом об окончании высшего учебного заведения, в течение первых 5 лет службы получал по 700 руб. в год и потом до конца своей службы – по 900 руб. Добавочные уроки оплачивались по 50 руб. в первое 5-летие службы, а потом по 60 руб. за каждый год. Не имеющие высшего образования получали в размере 420 руб. в год основное жалование и 20 руб. за дополнительные уроки. В 1895 г. были установлены два высших годовых оклада в семинарии: один в размере 1500 руб. и другой – 1250 руб., а в духовном училище – только один высший годовой оклад в размере 1250 руб. Такие оклады назначались только старшим и заслуженным преподавателям.

Например, «Список лиц, состоящих на действительной государственной службе в Витебской духовной семинарии», составленный 29 ноября 1894 г., отражает количество служащих, их классные должности и чины, вероисповедание, награды, образование, продолжительность службы и «оклад жалованья». Из 15 служащих все были православного вероисповедания, 14 имели высшее образование, как правило, окончив курс Духовных академий Москвы или Санкт-Петербурга. Инспектор семинарии – статский советник В. А. Решитовский – окончил курс Киевской духовной Академии со степенью кандидата богословия. На службе находился с 1871 г., был награжден орденами Св. Анны 2-й и 3-й степени и Св. Станислава 2-й и 3-й степени, имел IV класс должности и получал 1900 руб. «при казенной квартире». Практически все учителя находились в чине статского советника и имели VIII класс должности, а также все были награждены орденами через определенные интервалы времени «за усердное и похвальное прохождение службы». Подавляющее большинство учителей получало годовой оклад 900 руб. и дополнительную процентную прибавку в размере 180 руб. Трое учителей «вознаграждались» по 150–300 руб. в год за преподавание французского и немецкого языков. Преподаватель Иваницкий И. Ф., имевший диплом Санкт-Петербургского университета, вел также дополнительные уроки. Труд выполнения обязанностей секретаря Педагогического совета преподавателем

А. Г. Любимовым оплачивался в размере 400 руб. [4, л. 9–12]. Чтение и исправление многочисленных сочинений учащихся, заведывание библиотекой и физическим кабинетом возлагалось на учителей семинарий без вознаграждения.

По закону 12 июля 1913 г. повышалась плата за годовой урок. Св. Синод, согласно предложению Синодального Обер Прокурора, «определил возвысить размер существующего вознаграждения» преподавателей духовно-учебных заведений за уроки по вакантным должностям с 1 сентября 1913 г.: «преподавателям наук, древних и новых языков в духовных семинариях из лиц с высшим образованием и таковым же преподавателям наук и древних языков в духовных училищах по расчету из 75 руб. в год за вычетом 4% на пенсии в размере 1 руб. 38 коп., преподавателям тех же предметов в духовно-учебных заведениях из лиц со средним образованием по расчету из 60 руб. в год, за вычетом также 4%, в размере 1 руб. 10 коп., за каждый действительно данный урок». Отдельно указывалось, что за годовой урок церковного пения устанавливалось вознаграждение в сумме 75 руб. «Производство экзаменов по исправляемым вакантным должностям» оценивалось для преподавателей с высшим образованием и для учителей церковного пения в размере 5 руб. 52 коп., а для преподавателей, имевших среднее образование, – 4 руб. 40 коп., считая каждый проведенный экзамен за 4 дневных урока [5, л. 1]. Уже в 1914 г. не только инспектор Могилевской духовной семинарии статский советник Преображенский Ф. В., выпускник Казанской духовной академии, имел достаточно высокий оклад – 2880 руб. в год, но и ряд других преподавателей (Четыркин Н. И., Прокливантов Г. В., Петропавловский И. М., Адольф А. А.) – свыше 2200 руб. [6, л. 4].

Св. Синод указал епархиальным архиереям, с разрешения которых преподаватели получали разрешения «на занятия излишних, сверх штатного количества уроков» в том же учебном заведении, давать такое «с крайней осмотрительностью» и лишь в тех случаях, когда «не предвиделось» каких-либо «затруднений и препятствий к точному выполнению ими их прямых обязанностей». Часто высказывалось преподавателям пожелание «уменьшить свои сторонние занятия». Так, в 1915 г. 5 штатных преподавателей Витебской духовной семинарии имели возможность заработать дополнительно, преподавая по 3–5 уроков в неделю в Мариинской или Алексеевской женских гимназиях и в частной мужской гимназии Неруша [7, л. 32].

Следует отметить, что на рынке труда существовала серьезная конкуренция: даже педагоги

с высшим образованием не всегда могли найти «посторонние занятия». Как правило, учителям духовных учебных заведений приходилось «довольствоваться заработками» в епархиальных женских училищах, где труд учителя оплачивался в размере 35–40 руб. за годовой урок. Например, в 1903–1904 гг. начальница училища получала 800 руб. и 400 руб. столовых, инспектор за одно лишь наблюдение за учебно-воспитательным процессом – 500 руб. и еще жалование в должности преподавателя, а оклад для преподавателей с высшим образованием был поднят до 750 руб. [8, с. 90, 95]. «Учителям наук и языков», имеющим высшее образование, в светских учебных заведениях, по закону от 10 мая 1912 г. был назначен первоначальный годовой оклад в размере 900 руб. за 12 уроков в неделю. При этом учителя пользовались правом на 4 прибавки жалованья раз в 5 лет в размере 400 руб. Оплачивался труд за заведование учебными кабинетами, проверку ученических тетрадей, подготовку лабораторных работ по химии, даже за проведение ученических экскурсий. Вознаграждение за классное наставничество было повышено до 600 руб. Таким образом, учителя духовных семинарий и училищ были обеспечены хуже, чем их коллеги в светских средних учебных заведениях.

В губернских городах прожить на это «жалованье», в первую очередь семейным, было очень трудно. Поэтому приходилось искать дополнительный заработок в другом учебном заведении. Так, в разное время служащие Витебской духовной семинарии высказывали желание перейти на другую работу, обычно в светские средние учебные заведения: помощник инспектора Г. Иваницкий просил предоставить должность преподавателя естествознания в Витебской мужской гимназии, преподаватель К. Евсеев ходатайствовал о предоставлении должности преподавателя русского языка и словесности в одной из женских гимназий, а преподаватель В. Муравьев – должности инспектора народных училищ Виленского учебного округа. Надзиратель же семинарии титулярный советник Кудрявцев П. В. ушел в иную сферу деятельности и был утвержден на должность редактора «Витебских губернских ведомостей» [9, л. 6, 41, 8, 9].

Преподаватели светских средних учебных заведений имели «достаточные» пенсии и получали их даже тогда, когда все еще продолжали состоять на службе. В то же время даже прослужившие 25 лет в духовных учебных заведениях учителя не имели права получения пенсии, «если бы они захотели и могли продолжить свою службу». Согласно ст. 529 Устава Пенсионного (Свод Законов, Т. III, изд. 1896 г.),

«лицам, служащим по духовному ведомству и выходящим в отставку по расстроенному совершенно на службе здоровью или по тяжелой неизлечимой болезни, надлежаще засвидетельствованной, сроки для получения пенсий и единовременных пособий сокращаются» [10, л. 5].

Условия жизни преподавателей духовных семинарий примерно соответствовали сложившимся стандартам в средних слоях городского населения. Квартиры преподавателей, выходцев главным образом из «имущественных слоев населения», собственные или арендованные, были достаточно просторные. Все они пользовались услугами прислуги, которая выполняла работу по домашнему хозяйству. Также предоставлялось отдельным категориям служащих и бесплатное жилье. Так, в 1912 г. обсуждался проект строительства нового здания Могилевской семинарии. В отдельном строении предлагалось оборудовать квартиру для ректора (6 комнат с кухней и удобствами), для духовника (4 комнаты с кухней и удобствами) и для эконома (4 комнаты с кухней и удобствами). В самом же здании семинарии предполагалось отвести 8 просторных помещений для классных комнат, для ученической библиотеки, учительской, актового зала, гардероба и др. Одновременно предусматривалось строительство домово-й церкви, больницы и бани. Это, несомненно, должно было качественно улучшить и условия труда педагогов [11, л. 150–152].

Служащие духовных учебных заведений имели право на отпуск. Но в случае, когда они уезжали в другие регионы (многие из учителей были уроженцами «великоросских губерний»), в обязательном порядке писали на имя епископа «покорнейшее прошение» с указанием времени и места пребывания. Так, например, учитель П. Полозов из Витебской духовной семинарии просил «разрешить отправиться на летние каникулы с 24 июня по 8 августа в Тверскую губернию» [12, л. 18]. Поступали также прошения «по случаю тяжелой болезни», «для поправки здоровья», «на пасхальные каникулы», «на рождественские каникулы», «по семейным обстоятельствам» и другие «с предоставлением отпускного билета». Как правило, они удовлетворялись [13, л. 2, 3, 4, 7, 8].

Преподаватели имели определенную общественную нагрузку и активно привлекались к выполнению функций присяжных заседателей в суде. В архиве сохранились «сведения о лицах, служащих в Могилевской духовной семинарии и имеющих право быть внесенными в списки присяжных заседателей по Могилевскому уезду на 1915 г.». В списке значились 11 служащих, из которых 6 уже в разное время привлекались к исполнению такой обязанности

[14, л. 4]. Годовые отчеты подтверждают, что учителя «весьма ответственно относились к своим должностным обязанностям», поэтому пропуски занятий осуществляли «исключительно по уважительным причинам: по болезни или присутствию учителей в судах в качестве присяжных заседателей».

Так же, как и «учащие» средней и начальной школы, преподаватели духовных учебных заведений освобождались от службы в армии в мирное время. В годы Первой мировой войны не призывались в действующую армию только штатные преподаватели средних учебных заведений, включая преподавателей духовных семинарий. Для этого учителя учебному начальству предъявляли документы о зачислении в запас, а правления семинарий направляли в военные присутствия также свидетельства, которые подтверждали данный факт: «действительно состоит преподавателем семинарии» [15, л. 7, 43, 72]. Учителя низших учебных заведений подлежали призыву.

Воспитательная функция учителей заключалась в том, что на них возлагалось «наблюдение во время уроков за порядком и тишиной в классе», причем учеников, нарушавших спокойствие, они или сами подвергали взысканиям или отсылали к инспектору. Многочисленные определения и узаконения Св. Синода и Учебного комитета только разъясняли каждый шаг преподавателей в этой ограниченной сфере их деятельности. Классного наставничества в духовных семинариях и училищах во второй половине XIX в. не было, поэтому общение учителей с учениками ограничивалось только часами уроков: что делали учащиеся семинарий и училищ в остальное время, чем интересовались – было непонятно, то есть вся их внеклассная жизнь скрывалась от непосредственного наблюдения учителей [16, с. 128]. Институт классного наставничества появляется в начале XX в. Для надзора за поведением учащихся вводятся специальные «Дневники по воспитательной части», в которых ежедневно инспектор, классные наставники и дежурные учителя фиксировали свои наблюдения за подопечными не только во время учебных занятий, но и во внеучебное время: в ученических общежитиях, на улицах города, в общественных местах [17, л. 5, 11, 12, 14, 17].

Заключение. Таким образом, преподаватели духовных семинарий и училищ являлись частью педагогической интеллигенции России. Их социально-правовой статус определялся существовавшей законодательной базой, которая регламентировала процедуру приема на работу, привилегии, функциональные обязанности педагога и материальное положение.

В целом этот статус соответствовал положению преподавателей светских средних учебных заведений, хотя последние были несколько

лучше обеспечены не только в материальном плане, но и обладали более широким кругом привилегий.

Литература

1. Днепров Э. Д. Современная школьная реформа в России. М.: Наука, 1998. 463 с.
2. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). Ф. 2261. Оп. 1. Д. 1.
3. НИАБ. Ф. 2257. Оп. 1. Д. 18.
4. НИАБ. Ф. 2597. Оп. 1. Д. 7.
5. НИАБ. Ф. 2597. Оп. 1. Д. 50.
6. НИАБ. Ф. 2257. Оп. 1. Д. 26.
7. НИАБ. Ф. 2597. Оп. 1. Д. 92.
8. Пароменский П. В. Паричское женское св. Марии Магдалины училище духовного ведомства. СПб.: Синодальная типография, 1910. 135 с.
9. НИАБ. Ф. 2597. Оп. 1. Д. 26.
10. НИАБ. Ф. 2597. Оп. 1. Д. 92.
11. НИАБ. Ф. 2597. Оп. 1. Д. 18.
12. НИАБ. Ф. 2597. Оп. 1. Д. 26.
13. НИАБ. Ф. 2257. Оп. 1. Д. 50.
14. НИАБ. Ф. 2257. Оп. 1. Д. 26.
15. НИАБ. Ф. 2597. Оп. 1. Д. 11.
16. Андреев Ю. О положении учителей духовных семинарий и училищ // Русская школа. 1900. № 1. С. 124–130.

References

1. Dneprov E. D. *Sovremennaya shkol'naya reforma v Rossii* [Modern School Reform in Russia]. Moscow, Nauka Publ., 1998. 463 p.
2. National Historical Archives of Belarus (NHAB). Fund 2261. I. 1. F. 1.
3. NHAB. Fund 2257. I. 1. F. 18.
4. NHAB. Fund 2597. I. 1. F. 7.
5. NHAB. Fund 2597. I. 1. F. 50.
6. NHAB. Fund 2257. I. 1. F. 26.
7. NHAB. Fund 2597. I. 1. F. 92.
8. Paromenskiy P. V. *Parichskoye zhenskoye sv. Marii Magdaliny uchilishche dukhovnogo vedomstva* [Parichskoe female communication Mary Magdalene School of spiritual department]. St. Petersburg, Sinoval'naya tipografiya Publ., 1910. 135 p.
9. NHAB. Fund 2597. I. 1. F. 26.
10. NHAB. Fund 2597. I. 1. F. 92.
11. NHAB. Fund 2597. I. 1. F. 18.
12. NHAB. Fund 2597. I. 1. F. 26.
13. NHAB. Fund 2257. I. 1. F. 50.
14. NHAB. Fund 2257. I. 1. F. 26.
15. NHAB. Fund 2597. I. 1. F. 11.
16. Andreev Yu. On the situation of the teacher seminaries and colleges. *Russkaya shkola* [Russian school], 1900, no 1, pp. 124–130 (In Russian).

Информация об авторе

Острога Валентина Михайловна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Беларуси и политологии. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: ostroha@belstu.by

Information about the author

Ostroga Valentina Mikhailovna – PhD (History), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: ostroha@belstu.by

Поступила 11.03.2018